

Александр Александрович Блок

Стихотворения 1912 года
(Полное собрание стихотворений)

Содержание

«Ветр налетит, завоюет снег...»	0005
«Шар раскаленный, золотой...»	0006
«Повеселясь на буйном пире...»	0007
«Благословляю всё, что было...»	0008
АВИАТОР	0009
ШАГИ КОМАНДОРА	0012
ПЛЯСКИ СМЕРТИ	0015
1	0015
2	0018
3	0019
4	0020
5	0021
ВАЛЕРИЮ БРЮСОВУ (При получении «Зеркала теней»)	0023
ВЛАДИМИРУ БЕСТУЖЕВУ (Ответ)	0025
ВЯЧЕСЛАВУ ИВАНОВУ	0027
«Сквозь серый дым от краю и до краю...»	0029
«Приближается звук. И, покорна щемящему звuku...»	0030
«И вновь — порывы юных лет...»	0032
«Миры летят. Годы летят. Пустая...»	0034
«Есть минуты, когда не тревожит...»	0036
СНЫ	0037
НА ЛУГУ	0039
ВОРОНА	0040

СОЧЕЛЬНИК В ЛЕСУ0041
ТИШИНА В ЛЕСУ0043
«Болотистым, пустынным лугом...»	0045
ИСПАНКЕ	0047
«В небе — день, всех ночей суеверней...» . . .	0049
«Осенний вечер был. Под звук дождя стеклянный...»	0050
К МУЗЕ	0052
«Мой бедный, мой далекий друг...»	0054
«В сыром ночном тумане...»	0055

Александр Блок
СТИХОТВОРЕНИЯ 1912 ГОДА

«Ветр налетит, завоюет снег...»

*Ветр налетит, завоюет снег,
И в памяти на миг возникнет
Тот край, тот отдаленный берег...
Но цвет увял, под снегом ник-
нет...*

*И шелестят травой сухой
Мои старинные болезни...
И ночь. И в ночь — тропой глухой
Иду к прикрытой снегом бездне...*

*Ночь, лес и снег. И я несу
Постылый груз воспоминаний...
Вдруг — малый домик на поляне,
И девочка поет в лесу.*

6 января 1912

«Шар раскаленный, ЗОЛОТОЙ...»

Борису Садовскому

*Шар раскаленный, золотой
Пошлет в пространство луч
огромный,
И длинный конус тени темной
В пространство бросит шар дру-
гой.*

*Таков наш безначальный мир.
Сей конус — наша ночь земная.
За ней — опять, опять эфир
Планета плавит золотая...*

*И мне страшны, любовь моя,
Твои сияющие очи:
Ужасней дня, страшнее ночи
Сияние небытия.*

6 января 1912

«Повеселясь на буйном пире...»

Моей матери

*Повеселясь на буйном пире,
Вернулся поздно я домой;
Ночь тихо бродит по квартире,
Храня уютный угол мой.*

*Слились все лица, все обиды
В одно лицо, в одно пятно,
И ветер ночной поет в окно
Напевы сонной панихиды...*

*Лишь соблазнитель мой не спит;
Он льстиво шепчет: «Вот твой
скит.
Забудь о временном, о пошлом
И в песнях свято лги о прошлом».*

6 января 1912

«Благословляю всё, что было...»

*Благословляю всё, что было,
Я лучшей доли не искал.
О, сердце, сколько ты любило!
О, разум, сколько ты пылал!*

*Пускай и счастье и муки
Свой горький положили след,
Но в страстной буре, в долгой ску-
ке
Я не утратил прежний свет.*

*И ты, кого терзал я новым,
Прости меня. Нам быть — вдво-
ем.
Всё то, чего не скажешь словом,
Узнал я в облике твоём.*

*Глядят внимательны очи,
И сердце бьёт, волнуясь, в грудь,
В холодном мраке снежной ночи
Свой верный продолжая путь.*

15 января 1912

АВИАТОР

*Летун отпущен на свободу.
Качнув две лопасти свои,
Как чудище морское в воду,
Скользнул в воздушные струи.*

*Его винты поют, как струны...
Смотри: недрогнувший пилот
К слепому солнцу над трибуной
Стремит свой винтовой полет...*

*Уж в вышине недостижимой
Сияет двигателя медь...
Там, еле слышный и незримый,
Пропеллер продолжает петь...*

*Потом — напрасно ищет око:
На небе не найдешь следа,
В бинокле, вскинутом высоко,
Лишь воздух — ясный, как вода...*

*А здесь, в колеблющемся зное,
В курящейся над лугом мгле,
Ангары, люди, всё земное —
Как бы придавлено к земле...*

Но снова в золотом тумане

Как будто — неземной аккорд...
Он близок, миг рукоплесканий
И жалкий мировой рекорд!

Всё ниже спуск винтообразный,
Всё круче лопастей извив,
И вдруг... нелепый, безобразный
В однообразьи перерыв...

И зверь с умолкшими винтами
Повис пугающим углом...
Ищи отцветшими глазами
Опоры в воздухе... пустом!

Уж поздно: на траве равнины
Крыла измятая дуга...
В сплетеньи проволок машины
Рука — мертвее рычага...

Зачем ты в небе был, отважный,
В свой первый и последний раз?
Чтоб львице светской и продажной
Поднять к тебе фиалки глаз?

Или восторг самозабвенья
Губительный изведаль ты,
Безумно возалкал паденья

И сам остановил винты?

*Иль отравил твой мозг несчаст-
ный*

Грядущих войн ужасный вид:

*Ночной летун, во мгле ненастной
Земле несущий динамит?*

1910—январь 1912

ШАГИ КОМАНДОРА

В. А. Зоргеифрею

*Тяжкий, плотный занавес у входа,
За ночным окном — туман.
Что теперь твоя постылая сво-
бода,
Страх познавший Дон-Жуан?*

*Холодно и пусто в пышной спаль-
не,
Слуги спят, и ночь глуха.
Из страны блаженной, незнако-
мой, дальней
Слышно пенье петуха.*

*Что изменнику блаженства зву-
ки?
Миги жизни сочтены.
Донна Анна спит, скрестив на
сердце руки,
Донна Анна видит сны...*

*Чьи черты жестокие застыли,
В зеркалах отражены?
Анна, Анна, сладко ль спать в мо-
гиле?*

Сладко ль видеть неземные
сны?

Жизнь пуста, безумна и бездонна!
Выходи на битву, старый рок!
И в ответ — победно и влюбленно

В снежной мгле поет рожок...

Пролетает, брызнув в ночь огня-
ми,
Черный, тихий, как сова, мо-
тор.

Тихими, тяжелыми шагами
В дом вступает Командор...

Настежь дверь. Из непомерной
стужи,
Словно хриплый бой ночных
часов —
Бой часов: «Ты звал меня на ужин.
Я пришел. А ты готов?..»

На вопрос жестокий нет ответа,
Нет ответа — тишина.
В пышной спальне страшно в час
рассвета,
Слуги спят, и ночь бледна.

*В час рассвета холодно и странно,
но,*

*В час рассвета — ночь мутна.
Дева Света! Где ты, донна Анна?
Анна! Анна! — Тишина.*

Только в грозном утреннем тумане

*Бьют часы в последний раз:
Донна Анна в смертный час твой
встанет*

*Анна встанет в смертный
час.*

Сентябрь 1910 — 16 февраля 1912

ПЛЯСКИ СМЕРТИ

1

*Как тяжело мертвецу среди людей
Живым и страстным притво-
ряться!
Но надо, надо в общество вти-
раться,
Скрывая для карьеры лязг ко-
стей...*

*Живые спят. Мертвец встает из
гроба,
И в банк идет, и в суд идет, в се-
нат...
Чем ночь белее, тем чернее злоба,
И перья торжествующе скрипят.*

*Мертвец весь день трудится над
докладом.
Присутствие кончается. И вот —
Нашептывает он, виляя задом,
Сенатору скабресный анекдот...*

*Уж вечер. Мелкий дождь зашле-
пал грязью*

Прохожих, и дома, и прочий
вздор...

А мертвеца — к другому безобра-
зью

Скрежещущий несет таксомо-
тор.

В зал многолюдный и многоко-
лонный

Спешит мертвец. На нем — изящ-
ный фрак.

Его дарят улыбкой благосклон-
ной

Хозяйка — дура и супруг — дурак.

Он изнемог от дня чиновной ску-
ки,

Но лязг костей музыкой заглу-
шен...

Он крепко жмет приятельские
руки —

Живым, живым казаться должен
он.

Лишь у колонны встретится оча-
ми

С подругою — она, как он, мертва.
За их условно-светскими речами

Ты слышишь настоящие слова:

«Усталый друг, мне странно в этом зале» —

«Усталый друг, могила холодна». —

«Уж полночь». — «Да, но вы не приглашали

На вальс NN. Она в вас влюблена...»

А там — NN уж ищет взором
страстным

Его, его — с волнением в крови...

В ее лице, девически прекрасном,

Бесмысленный восторг живой
любви...

Он шепчет ей незначащие речи,

Пленительные для живых слова,

И смотрит он, как розовеют плечи,

как на плечо склонилась голова...

И острый яд привычно-светской
злости

С нездешней злостью расточает
он...

«Как он умен! Как он в меня влюблен!»

*В ее ушах — нездешний, странный
звон:*

То кости лязгают о кости.

19 февраля 1912

2

*Ночь, улица, фонарь, аптека,
Бессмысленный и тусклый свет.
Живи еще хоть четверть века —
Всё будет так. Исхода нет.*

*Умрешь — начнешь опять сначала,
И повторится всё, как встарь:
Ночь, ледяная рябь канала,
Аптека, улица, фонарь.*

10 октября 1912

Пустая улица. Один огонь в окне.
Еврей-аптекарь охает во сне.

А перед шкапом с надписью
Venepa[1]
Хозяйственно согнув скрипучие
колена,

Скелет, до глаз закутанный пла-
щом,
Чего-то ищет, скалясь черным
ртом...

Нашел... Но ненароком чем-то
звякнул,
И череп повернул... Аптекарь
крякнул,

Привстал — и на другой сжалил-
ся бок...
А гость меж тем — заветный пу-
зырек

Сует из-под плаща двум женщи-
нам безносым.

На улице, под фонарем белёсым.

Октябрь 1912

4

Старый, старый сон. Из мрака
Фонари бегут — куда?
Там — лишь черная вода,
Там — забвенье навсегда.

Тень скользит из-за угла,
К ней другая подползла.
Плащ распахнут, грудь бела,
Алый цвет в петлице фрака.

Тень вторая — стройный латник,
Иль невеста от венца?
Шлем и перья. Нет лица.
Неподвижность мертвеца.

В воротах гремит звонок,
Глухо щелкает замок.
Переходят за порог
Проститутка и развратник...

Воет ветер леденящий,
Пусто, тихо и темно.
Наверху горит окно.

Всё равно.

*Как свинец, черна вода.
В ней забвенья навсегда.
Третий призрак. Ты куда,
Ты, из тени в тень скользящий?*

Февраля 1914

5

*Вновь богатый зол и рад,
Вновь унижен бедный.
С кровель каменных громад
Смотрит месяц бледный,*

*Насыляет тишину,
Оттеняет крутизну
Каменных отвесов,
Черноту навесов...*

*Всё бы это было зря,
Если б не было царя,
Чтоб блюсти законы.*

*Только не ищи дворца,
Добродушного лица,
Золотой короны.*

*Он — с далеких пустырей
В свете редких фонарей
Появляется.*

*Шея скручена платком,
Под дырявым козырьком
Улыбается.*

7 февраля 1914

ВАЛЕРИЮ БРЮСОВУ (При получении «Зеркала теней»)

*И вновь, и вновь твой дух таин-
ственный
В глухой ночи, в ночи пустой
Велит к твоей мечте единствен-
ной
Прильнуть и пить напиток твой.*

*Вновь причастись души неисто-
вой,
И яд, и боль, и сладость пей,
И тихо книгу перелистывай,
Впиваясь в зеркало теней...*

*Пусть, несказанной мукой мучая,
Здесь бьется страсть, змеится
грусть,
Восторженная буря случая
Сулит конец, убийство — пусть!*

*Что жизнь пытала, жгла, ковер-
кала,
Здесь стало легкою мечтой,
И поле траурного зеркала*

Прозрачной стынет красотой...

А красотой без слов поведено:

«Гори, гори. Живи, живи.

Пускай крыло души прострелено

*—
Кровь обагрит алтарь любви».*

20 марта 1912

ВЛАДИМИРУ БЕСТУЖЕВУ (Ответ)

*Да, знаю я: пронзили ночь отвеса
Незримые лучи.
Но меры нет страданью челове-
ка,
Ослепшего в ночи!*

*Да, знаю я, что в тайне — мир
прекрасен
(Я знал Тебя, Любовь!),
Но этот шар над льдом жесток и
красен,
Как гнев, как месть, как
кровь!*

*Ты ведаешь, что некий свет стру-
ится,
Объемля всё до дна,
Что ищет нас, что в свисте вет-
ра длится
Иная тишина...*

*Но страннику, кто снежной но-
чью полон,
Кто загляделся в тьму,*

*Приснится, что не в вечный свет
вошел он,
А луч сошел к нему.*

24 марта 1912

ВЯЧЕСЛАВУ ИВАНОВУ

*Был скрипок вой в разгаре бала,
Вином и кровию дыша,
В ту ночь нам судьбы диктовала
Восстанья страшная душа.*

*Из стран чужих, из стран дале-
ких
В наш огонь вступивши снеговой,
В кругу безумных, томнооких
Ты золотою встал главой.*

*Слегка согбен, не стар, не молод,
Весь — излученье тайных сил,
О, скольких душ пустынный холод
Своим ты холодом пронзил!*

*Был миг — неведомая сила,
Восторгом разрывая грудь,
Сребристым звоном оглушила,
Секучим снегом ослепила,
Блаженством исказила путь!*

*И в этот миг, в слепящей вьюге,
Не ведаю, в какой стране,
Не ведаю, в котором круге,
Твой странный лик явился мне...*

*И я, дичившийся доселе
Очей пронзительных твоих,
Взглянул... И наши души спели
В те дни один и тот же стих.*

*Но миновалась ныне вьюга.
И горькой складкой те года
Легли на сердце мне. И друга
В тебе не вижу, как тогда.*

*Как в годы юности, не знаю
Бездонных чар твоей души...
Порой, как прежде, различаю
Песнь соловья в твоей глуши...*

*И много чар, и много песен,
И древних ликов красоты...
Твой мир, поистине, чудесен!
Да, царь самодержавный — ты.*

*А я, печальный, нищий, жесткий,
В час утра встретивший зарю,
Теперь на пыльном перекрестке
На царский поезд твой смотрю.*

18 апреля 1912

«Сквозь серый дым от краю и до краю...»

*Сквозь серый дым от краю и до
краю*

*Багряный свет
Зовет, зовет к неслыханному
раю,
Но рая — нет.*

*О чем в сей мгле безумной, крас-
но-серой,*

*Колокола —
О чем гласят с несбыточною ве-
рой?
Ведь мгла — всё мгла.*

*И чем он громче спорит с мглою
будней,*

*Сей праздный звон,
Тем кажется железней, непробуд-
ней
Мой мертвый сон.*

30 апреля 1912 (1913)

«Приближается звук. И, покорна щемящему звуку...»

*Приближается звук. И, покорна
щемящему звуку,*

Молодеет душа.

*И во сне прижимаю к губам твою
прежнюю руку,*

Не дыша.

*Снится — снова я мальчик, и сно-
ва любовник,*

И овраг, и бурьян,

*И в бурьяне — колючий шиповник,
И вечерний туман.*

*Сквозь цветы, и листья, и колючие
ветки, я знаю,*

*Старый дом глянет в сердце
мое,*

*Глянет небо опять, розовея от
краю до краю,*

И окошко твое.

*Этот голос — он твой, и его непо-
нятному звуку*

Жизнь и горе отдам,

*Хоть во сне твою прежнюю ми-
лую руку
Прижимая к губам.*

2 мая 1912

«И вновь — порывы юных лет...»

*И вновь — порывы юных лет,
И взрывы сил, и крайность мнений.
Но счастья не было — и нет.
Хоть в этом больше нет сомнений!*

*Пройди опасные года.
Тебя подстерегают всюду.
Но если выйдешь цел — тогда
Ты, наконец, поверишь чуду,*

*И, наконец, увидишь ты,
Что счастья и не надо было,
Что сей несбыточной мечты
И на пол-жизни не хватило,*

*Что через край перелилась
Восторга творческого чаша,
И всё уж не мое, а наше,
И с миром утвердилась связь,—*

*И только с нежною улыбкой
Порою будешь вспоминать*

*О детской той мечте, о зыбкой,
Что счастием привыкли звать!*

19 июня 1912

«Миры летят. Годы летят. Пустая...»

Миры летят. Годы летят. Пустая

*Вселенная смотрит в нас мраком
глаз.*

*А ты, душа, усталая, глухая,
О счастье твердишь, — который
раз?*

*Что счастье? Вечерние прохлады
В темнеющем саду, в лесной глуши?*

*Иль мрачные, порочные улады
Вина, страстей, гибели души?*

*Что счастье? Короткий миг и
тесный,
Забвенье, сон и отдых от забот...
Очнешься — вновь безумный, неиз-
вестный
И за сердце хватающий полет...*

*Вдохнул, глядишь — опасность
миновала...*

Но в этот самый миг — опять

толчок!
Запущенный куда-то, как попало,
Летит, жужжит, торопится
волчок!

И, уцепясь за край скользящий,
острый,
И слушая всегда жужжащий звон,
—

Не сходим ли с ума мы в смене
пестрой
Придуманых причин, про-
странств, времен...

Когда ж конец? Назойливому зву-
ку
Не станет сил без отдыха вни-
мать...
Как страшно всё! Как дико! — Дай
мне руку,
Товарищ, друг! Забудемся опять.

2 июля 1912

«Есть минуты, когда не тревожит...»

*Есть минуты, когда не тревожит
Роковая нас жизни гроза.
Кто-то на плечи руки положит,
Кто-то ясно заглянет в глаза...*

*И мгновенно житейское канет,
Словно в темную пропасть без
дна.
И над пропастью медленно вста-
нет
Семицветной дугой тишина...*

*И напев заглушенный и юный
В затаенной затронет тиши
Усыпленные жизнью струны
Напряженной, как арфа, души...*

Июль 1912

СНЫ

*И пора уснуть, да жалко,
Не хочу уснуть!
Конь качается качалка,
На коня б скакнуть!*

*Луч лампадки, как в тумане,
Раз-два, раз-два, раз!..
Идет конница... а няня
Тянет свой рассказ...*

*Внемлю сказке древней, древней
О богатырях,
О заморской, о царевне,
О царевне... ах...*

*Раз-два, раз-два! Конник в латах
Трогает коня
И манит и мчит куда-то
За собой меня...*

*За моря, за океаны
Он манит и мчит,
В дымно-синие туманы,
Где царевна спит...*

Спит в хрустальной, спит в кро-

ватке
Долгих сто ночей,
И зеленый свет лампадки
Светит в очи ей...

Под парчами, под лучами
Слышно ей сквозь сны,
Как звенят и бьют мечами
О хрусталь стены...

С кем там бьется конник гнев-
ный,
Бьется семь ночей?
На седьмую — над царевной
Светлый круг лучей...

И сквозь дремные покровы
Стелятся лучи,
О тюремные засовы
Звякают ключи...

Сладко дремлется в кроватке.
Дремлешь? — Внемлю... сплю.
Луч зеленый, луч лампадки,
Я тебя люблю!

Около 8 октября 1912

НА ЛУГУ

*Леса вдали виднее,
Синее небеса,
Заметней и чернее
На пашне полоса,
И детские звончее
Над лугом голоса.*

*Весна идет сторонкой,
Да где ж сама она?
Чу, слышен голос звонкий,
Не это ли весна?
Нет, это звонко, тонко
В ручье журчит волна...*

25 октября 1912

ВОРОНА

*Вот ворона на крыше покатой
Так с зимы и осталась лохма-
той...*

*А уж в воздухе — вешние звоны,
Даже дух занялся у вороны...*

*Вдруг запрыгала вбок глупым ско-
ком,
Вниз на землю глядит она боком:*

*Что белеет под нежною трав-
кой?
Вон желтеют под серою лавкой*

*Прошлогодние мокрые стружки...
Это всё у вороны — игрушки,*

*И уж так-то ворона довольна,
Что весна, и дышать ей приволь-
но!..*

25 октября 1912

СОЧЕЛЬНИК В ЛЕСУ

*Ризу накрест обвязав,
Свечку к палке привязав,
Реет ангел невелик,
Реет лесом, светлолик.
В снежно-белой тишине
От сосны порхнет к сосне,
Тронет свечкою сучок —
Треснет, вспыхнет огонек,
Округлится, задрожит,
Как по нитке, побежит
Там и сям, и тут, и здесь...
Зимний лес сияет весь!..*

*Так легко, как снежный пух,
Рождества крылатый дух
Озаряет небеса,
Сводит праздник на леса,
Чтоб от неба и земли
Светы встретиться могли,
Чтоб меж небом и землей
Загорелся луч иной,
Чтоб от света малых свеч
Длинный луч, как острый меч,
Сердце светом пронизал,
Путь неложный указал.*

Октябрь 1912

ТИШИНА В ЛЕСУ

*После ночной метели
Бушевали ночные метели,
Заметали лесные пути,
И гудели мохнатые ели,
И у ангелов не было силы
Звездный свет до земли донести.*

*Но полночные силы устали
В небе черные тучи клубить,
И деревья стонать перестали,
И у ангелов силы хватило
Звездным светом леса озарить.*

*И деревья торжественным строем
Перед ясным лицом тишины
Убеляются снежным покоем,
Исполняются светлою силой
Ледяной и немой белизны.*

*Чье там брезжит лазурное око?
Как поляна из звезд — небеса.
В тишине голубой и глубокой
С дивной ратью своей многокрылой
Бог идет сквозь ночные леса.*

Октябрь 1912

«Болотистым, пустынным лугом...»

*Болотистым, пустынным лугом
Летим. Одни.
Вон, точно карты, полукругом
Расходятся огни.*

*Гадай, дитя, по картам ночи,
Где твой маяк...
Еще смелей нам хлынет в очи
Неотвратимый мрак.*

*Он морем ночи замкнут — даль-
ный
Простор лугов!
И запах горький и печальный
Туманов и духов,*

*И кольца сквозь перчатки тон-
кой,
И строгий вид,
И эхо над пустыней звонкой
От цоканья копыт —*

*Всё говорит о беспредельном,
Всё хочет нам помочь,*

*Как этот мир, лететь бесцельно
В сияющую ночь!*

Октябрь 1912

ИСПАНКЕ

*Не лукавь же, себе признаваясь,
Что на миг ты был полон одной,
Той, что встала тогда, задыха-
ясь,
Перед редкой и сытой толпой...*

*Что была, как печаль, величава
И безумна, как только печаль...
Заревая господняя слава
Исполняла священную шаль...*

*И в бедро уперлася рукою,
И каблук застучал по мосткам,
Разноцветные ленты рекою
Буйно хлынули к белым чулкам...*

*Но, средь танца волшебств и наи-
тий,
Высоко занесенной рукой
Разрывала незримые нити
Между редкой толпой и собой,*

*Чтоб неведомый северу танец,
Крик Nanda[2] и язык кастаньет
Понял только влюбленный испа-
нец*

Или видевший бога поэт.

Октябрь 1912

«В небе — день, всех ночей суеверней...»

*В небе — день, всех ночей суеверней,
Сам не знает, он — ночь или день.
На лице у подруги вечерней
Золотится неясная тень.*

*Но рыбак эти сонные струи
Не будил еще взмахом весла...
Огневые ее поцелуи
Говорят мне, что ночь — не прошла...*

*Легкий ветер повеял нам в очи...
Если можешь, костер потуши!
Потуши в сумасшедшие ночи
Распылавшийся уголь души!*

Октябрь 1912

«Осенний вечер был. Под звук дождя стеклянный...»

*Ночь без той, зовут кого
Светлым именем. Ленора.*

Эдгар По

*Осенний вечер был. Под звук до-
ждя стеклянный
Решал всё тот же я — мучитель-
ный вопрос,
Когда в мой кабинет, огромный и
туманный,
Вошел тот джентльмен. За
ним — лохматый пес.*

*На кресло у огня уселся гость
устало,
И пес у ног его разлегся на ковер.
Гость вежливо сказал: «Ужель
еще вам мало?
Пред Гением Судьбы пора сми-
риться, сор».*

*«Но в старости—возврат и юно-
сти, и жара...»—
Так начал я... но он настойчиво*

прервал:

«Она — всё та ж: Линор безумно-го Эдгара.

Возврата нет. — Еще? Теперь я всё сказал».

И странно: жизнь была — восторгом, бурей, адом,

А здесь — в вечерний час — с чужим наедине —

Под этим деловым, давно спокойным взглядом,

Представилась она гораздо проще мне...

Тот джентльмен ушел. Но пес со мной бессменно.

В час горький на меня оставит добрый взор,

И лапу жесткую положит на колено,

Как будто говорит: Пора смириться, сор.

2 ноября 1912

К МУЗЕ

*Есть в напевах твоих сокровенных
Роковая о гибели весть.
Есть проклятье заветов священ-
ных,
Поругание счастья есть.*

*И такая влекущая сила,
Что готов я твердить за молвой,
Будто ангелов ты низводила,
Соблазняя своей красотой...*

*И когда ты смеешься над верой,
Над тобой загорается вдруг
Тот неяркий, пурпурово-серый
И когда-то мной виденный круг.*

*Зла, добра ли? — Ты вся — не от-
сюда.
Мудрено про тебя говорят:
Для иных ты — и Муза, и чудо.
Для меня ты — мученье и ад.*

*Я не знаю, зачем на рассвете,
В час, когда уже не было сил,
Не погиб я, но лик твой заметил
И твоих утешений просил?*

*Я хотел, чтоб мы были врагами,
Так за что ж подарила мне ты
Луг с цветами и твердь со звезда-
ми —
Всё проклятье своей красоты?*

*И коварнее северной ночи,
И хмельней золотого аи,
И любви цыганской короче
Были страшные ласки твои...*

*И была роковая отрада
В попираньи заветных святынь,
И безумная сердцу услада —
Эта горькая страсть, как по-
лынь!*

29 декабря 1912

«Мой бедный, мой далекий друг...»

*Мой бедный, мой далекий друг!
Пойми, хоть в час тоски бессонной,
Таинственно и неуклонно
Снедающий меня недуг...
Зачем в моей стесненной груди
Так много боли и тоски?
И так ненужны маяки,
И так давно постыли люди,
Уныло ждущие Христа...
Лишь дьявола они находят...
Их лишь к отчаянью приводят
Извечно лгущие уста...
Все, кто намеренно щадит,
Кто без желанья ранит больно...
Иль — порываний нам довольно,
И лишь недуг — надежный щит?*

29 декабря 1912

«В сыром ночном тумане...»

*В сыром ночном тумане
Всё лес, да лес, да лес...
В глухом сыром бурьяне
Огонь блеснул — исчез...*

*Опять блеснул в тумане,
И показалось мне:
Изба, окно, герани
Алеют на окне...*

*В сыром ночном тумане
На красный блеск огня,
На алые герани
Направил я коня...*

*И вижу: в свете красном
Изба в бурьян вросла,
Неведомо несчастным
Быльём поросла...*

*И сладко в очи глянул
Неведомый огонь,
И над бурьяном прынул
Испуганный мой конь...*

«О, друг, здесь цел не будешь,

*Скорей отсюда прочь!
Доедешь — всё забудешь,
Забудешь — канешь в ночь!*

*В тумане да в бурьяне,
Гляди, — продашь Христа
За жадные герани,
За алые уста!»*

Декабрь 1912

Примечания

Яд (лат.).

[^^^]

Давай! Пошел! (исп.).

[^^^]